

Малое заседание превратилось в сущий балаган. Самое забавное, что зачинщик этого столпотворения сидел на императорском троне с глуповатым видом, замерев словно истукан.

На глазах государя почтенные старцы стремительно переходили от словесных баталий к рукопашной. Одному из вечных спорщиков — вредному старикашке, который обожал встречать в речи Чжао Цзи со своим неизменным «Ваше Величество, сие неблагоприятно», — какой-то на удивление бодрый воевода уже успел с корнем выдрать приличный клоч седой бороды.

Зрелище, конечно, неподобающее для столь священного места, но до чего же упоительное!

Чжао Цзи мгновенно стряхнул с себя оцепенение. На малом совете в отсутствие вдовствующей императрицы Сян можно было не чиниться. Глаза монарха азартно блеснули; ему до смерти захотелось раздобыть горсть жареных семечек, чтобы наблюдать за этой потасовкой с полным удовольствием.

Но о семечках оставалось только мечтать — вмешались Две палаты.

Цай Бянь, у которого от этого беспредела уже дергался глаз, грозно нахмурился и рявкнул:

— Смута у самого трона! Потеряли всякий стыд и приличие!

«Эх...»

Едва раздался этот примиряющий окрик, как Чжао Цзи тихонько, одними губами, вздохнул.

Он полагал, что вздох остался незамеченным, однако стоявший подле трона юный евнух обладал поистине звериным чутьем. Истолковав кручину повелителя как гнев, слуга тут же сорвал голос в истошном вопле:

— Тихо! Смирно-о-о!

На любых аудиенциях, хоть малых, хоть великих, Чжао Цзи всегда держал при себе звонкоголосого евнуха. Для здешних правителей это было делом первой необходимости. Одно дело — кулуарные споры в тесном кругу, и совсем другое — великие собрания за пределами Зала Гражданской Добродетели. В исполинских палатах без усилителей звука далеко не уедешь. Не пристало ведь сыну Неба надирать глотку с высоты престола, пока министры на задних рядах вытягивают шеи, пытаясь хоть что-то расслышать, а потом растерянно теребят соседей за рукава:

— Послушай, милейший, а что наш владыка только что изволил молвить?

Глупость несусветная.

Для того и существовали глашатаи-евнухи, чьи пронзительные голоса могли мертвеца из могилы поднять. Вот и сейчас паренек отработал свое жалованье сполна.

Грозный рык Цай Бяня заставил притихнуть лишь тех, кто стоял поблизости. Зато отчаянный визг малолетнего евнуха долетел до самых дальних углов, вынудив даже самых яростных зачинщиков драки неохотно опустить кулаки.

«Ну вот, на самом интересном месте...»

Чжао Цзи, так и не насладившись зрелищем сполна, с грустным вздохом проводил глазами присмиривших спорщиков, стоявших по левую сторону зала в последних рядах.

Там кучковались цензоры. Видимо, почтенные мужи полагали, что верность престолу измеряется количеством выпитой из государя крови. Главной страстью их угасающих жизней было вечное недовольство и пререкания. Что бы ни предложил Чжао Цзи, они тут же бросались оспаривать любое слово, словно без ежедневных возражений их лишат жалованья за профнепригодность. Именно они громче всех голосили свое излюбленное: «Сие неблагоприятно!»

Похоже, эти зануды сидели в печенках не только у императора. Военные чины тоже питали к ним искреннюю, глубокую ненависть. С высоты своего величия Чжао Цзи наблюдал забавную картину: сразу несколько военачальников улучили момент, чтобы исподтишка наподдать крикунам. Кто локтем под дых пихнет, кто ногу подставит, кто наступит на пышный подол. Генералы отводили душу, а юный император мысленно им аплодировал.

Но лавочка закрылась. Чжао Цзи неохотно отвел взгляд от помятых цензоров, поправил церемониальное одеяние и, приняв величественный вид, заговорил:

— Любезные подданные. Наверняка многие из вас уже наслышаны о вчерашнем происшествии в чертогах дворца. Устроенный Нами смотр воинов преследовал две цели. И если первая заключалась в проверке боевой выучки, то вторая, не менее важная, была призвана выманить из тени разбойников, наводнивших цзянху.

«Вчерашнее происшествие?»

Те, у кого уши были пришиты в правильных местах, пронюхали о случившемся еще накануне вечером. Однако слухи казались настолько дикими и пугающими, что большинство благоразумных мужей сочли их за праздные бредни. И вот теперь сам император косвенно подтвердил худшие опасения.

В зале воцарилась гробовая тишина.

Хань Чжунянь, только и ждавший этой темы, тут же выступил вперед:

— Ваше Величество, у вашего покорного слуги есть прошение.

— Представь его Нам, — отозвался Чжао Цзи.

Евнух услужливо посеменил вниз по ступеням помоста, принял из рук министра свиток и вернулся к трону. Развернув бумагу, император скользнул взглядом по строкам — содержание ничем не отличалось от недавних сетований Хань Чжуняня.

С самого дальнего конца зала медленно выступил редактор Цай Цзин:

— Ваше Величество, ваш слуга также смиренно просит принять доклад.

Их выход послужил негласным сигналом. В ту же секунду в бой вступили заранее подготовленные силы. Правитель Кайфэна, несколько благородных князей и видные мужи из лагеря консерваторов, близких к Хань Чжуняню, один за другим потянулись к престолу со свитками в руках. Прошения посыпались лавиной. Вельможи наперебой спешили высказать свое веское мнение.

Но если отбросить велеречивую шелуху, суть их требований сводилась к трем вещам: нещадно истребить банду Денежного Листа, дотла расследовать недавнее бесчинство в Управе Кайфэна и наложить строжайший запрет на деятельность всех без исключения сект и школ цзянху.

Хоть Чжао Цзи и готовил себя к худшему, от аппетитов этих кабинетных мечтателей у него мороз пробежал по коже. Воистину: какова сцена, таковы и амбиции! Ну и горады же эти книжники языком молоть. Ладно еще расследование в Кайфэне — дело нужное и вполне осуществимое. Но два других требования? Они вообще дружат с головой?

Уничтожить банду Денежного Листа? Да представляют ли эти старые дураки, сколько душ в ней состоит? Чжао Цзи, который вчера лично изучал списки, едва удержался от нервного смеха. Да под их знаменами ходит едва ли не две пятых от всего населения столицы! Они что, предлагают устроить кровавую баню в собственном доме? Не боятся, что разозленные извозчики, грузчики и торговцы под покровом ночи просто забросают их роскошные поместья нечистотами по самые крыши?

А запрет всех сект цзянху? Они вообще соображают, в каком мире живут? В этом безумном винегрете из десятков рыцарских романов даже сам император без понятия, сколько скрытых орденов и грозных школ притаилось по лесам да горам. Объявить их вне закона? Да у него уши вянут от подобных речей!

Немудрено, что вояки сегодня пинали этих бумагомарателей с таким упоением. Накипело у людей, не иначе.

У этих чинуш выработалась скверная привычка — требовать невозможного ради торговли. Они

намечают себе скромную цель, но озвучивают при этом сумасшедшие запросы в расчете на то, что государь начнет сбивать цену. Это как в военном деле: если генералы заикаются о мелкой пограничной стычке, гражданские, тайно мечтающие вернуть Шестнадцать округов Яньюнь, с порога заявляют:

— Ступайте и сотрите с лица земли Великое Ляо! Заодно притащите к Нам их императора — Мы с ним поиграем!

Будь у кого послабее сердце, он бы от подобных бредней испустил дух прямо на месте. Чжао Цзи незаметно прижал ладонь к виску, пытаясь унять бешеную пульсацию крови. Офицеры злились, но они хотя бы умели спорить. Самое паршивое заключалось в том, что сейчас эти книжные черви даже не пытались торговаться. Они требовали расправы на полном серьезе!

Поскольку Ли Сюньхуань по своему чину не имел права присутствовать на малых советах, Чжао Цзи оставался единственной живой душой во всем дворце, кто осознавал истинное положение дел. Он обреченно взирал на скопище слепцов, которые с глупой отвагой дилетантов всерьез обсуждали, как они прижмут к ногтю мастеров меча.

«Нет-нет-нет, пощадите! — мысленно взмолился Чжао Цзи. — Я всего лишь хочу тихо отсидеться в сторонке и поднакопить силенок. Умерьте свой пыл, иначе меня убьют первым!»

Мир боевых искусств и государственная машина — это две параллельные вселенные. Сам Чжао Цзи прекрасно понимал, что его реальное влияние ничтожно, но для вольных удалцов император оставался верховным тираном, чье слово — закон. Стоит выпустить глупый указ о преследовании школ, и суровые воители цзянху рассудят просто: «Проклятый деспот решил известить наш братский орден! Братья, на штурм дворца! Снесем собаке голову!»

Он ведь все предусмотрел! Зная, что Хань Чжунянь точит зуб на банду Денежного Листа, император не пожалел сил и времени: под покровом ночи уладил дело с их главарем, а затем через нищих договорился, чтобы те залегли на дно ради собственного спасения. Ему казалось, что план безупречен. Но откуда ему было знать, что престарелые министры замахнутся на весь свободный люд поднебесной?!

Лицо государя то бледнело, то наливалось краской. Под прикрытием широких рукавов он отчаянно замахал ладонями, пытаясь успокоиться. Соглашаться на этот бред нельзя ни в коем случае. Нужно было срочно уводить разговор в сторону.

Прибегнув к излюбленному приему отвлечения внимания, Чжао Цзи громко произнес:

— Вчерашней ночью в Нашу обитель проник дерзкий лазутчик. Лишь благодаря бдительности левого генерала императорской гвардии Юйлинь, Чжугэ Чжэнво, злоумышленник был схвачен на месте. Нам также ведомо, что генерал Чжугэ исстари выказывал великое рвение и преданность, не раз спасая покойного государя в годину невзгод и уклоняясь от почестей. За этот новый подвиг Мы жалуем ему чин Главного инструктора восьмисоттысячной императорской гвардии.

В свое время именно Чжан Дунь приложил руку к тому, чтобы сослать Чжугэ Чжэнво подальше от двора. Разумеется, старый канцлер не мог смолчать. Он решительно выступил вперед, уже готовый изречь свое веское «Ваше Величество, сие неразумно».

Но Чжао Цзи опередил его, не дав раскрыть рта:

— Касательно беспорядков в Кайфэне Нами уже дано поручение генералу Чжугэ. И вчера его дознание принесло плоды: за спиной столичных смутьянов из банды Денежного Листа стоит куда более грозная сила. Сие гнездо порока направляется твердой рукой старейшин школы Горы Белого Верблюда, что угнездилась в Западных землях и тайно знается с мятежным Западным Ся.

Поскольку сам Чжао Цзи уже занимал высший пост в государстве и расти ему было некуда, он с легким сердцем раздавал собственные заслуги тем, кому они могли сослужить верную службу.

Этого разоблачения никто не ожидал. Стоило вести о заговоре прозвучать под сводами зала, как среди притихших вельмож пронесся изумленный гул. Вся былая спесь и воинственные бредни о поголовном истреблении мастеров меча разом выветрились из их седых голов.

<http://bllate.org/book/18987/1963528>